

О перце,
о любви,
о судьбе

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ВЕРЫ КОЛОЧКОВОЙ

СЛЕЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МАДОННА
КЛЮЧИ ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ
ПАРТИЯ ДЛЯ ЛОВЕЛАСА
ОБИТЕЛЬ СИНЕЙ БОРОДЫ
СИНДЕРЕЛЛА БЕЗ ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛЬКИ
КОВАРСТВО, ИЛИ ТАЙНА ДОМА С МЕЗОНИНОМ
СЛЕПЫЕ ПО БРЕЙГЕЛЮ
ТРЕТИЙ РЕБЕНОК ДЖЕЙН ЭЙР
ПРАВИЛО ПАРАЦЕЛЬСА, ИЛИ ТРИЛОГИЯ ДЛЯ СВЕКРОВИ
ИЗ ЖИЗНИ МЭРИ, В ДЕВИЧЕСТВЕ ПОППИНС
ДЕТИ АФРОДИТЫ
ЛАСТОЧКА ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ
ЛЕДИ МАКБЕТ МАРКЕЛОВА ПЕРЕУЛКА
РАНДЕВУ ДЛЯ ТРЕХ СЕСТЕР
БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА
ДОМ ДЛЯ ОДИССЕЯ
ПАРАДОКС ГРЕТХЕН
ЗНАК НЕФЕРТИТИ
НЕМНОГО ЛЮБВИ ДЛЯ БЕДНОЙ ЛИЗЫ
ЗОВ СИРЕНЬ
ЗИМА ДЖУЛЬЕТТЫ
УМЯГЧЕНИЕ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ
ВОЛОСЫ БЕРЕНИКИ
МУЖ В ОБМЕН НА СЧАСТЬЕ

ВЕРА КОЛОЧКОВА

МУЖ В ОБМЕН
НА СЧАСТЬЕ

р о м а н

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Муж в обмен на счастье : роман / Вера Колочкова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 288 с. — (О мечте, о любви, о судьбе. Проза Веры Колочковой).

ISBN 978-5-04-091019-9

Майя любила Димку всю жизнь. Но наивность — враг счастья, а потому женой Димки стала лучшая подруга Майи — Дина. Стесняясь и презирая себя, Майя начала тайный роман с мужем подруги... Дина должна была страдать, но торжествовала: она знала об измене с первого дня. Ей нравилось, что оба мучаются. Даже замужество Майи не исправило ее положения — она продолжала любить Димку. Что же еще сделать, чтобы больше досадить счастливой страдальце, после свадьбы ставшей еще и богачкой? И Дина придумала: она написала письмо законному супругу Майи...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-091019-9

ООО «Издательство «Э», 2018

Дина

— Какой ты подарок хочешь на день рождения? Ты мне сама скажи, а то притащу какую-нибудь ерундовину бесполезную. Чего бы тебе хотелось?

— Да не знаю я! — выдохнула в трубку Дина и закатила глаза, изобразив обиженное недовольство подругой. Все-таки хорошая штука — телефон. Можно говорить одно, а на лице изображать совершенно другое. Истинное отношение к собеседнику и обсуждаемой проблеме. Никто тебя не видит, только слышит твой голос. А голос... Голос у нее по природе такой! Да, грубоватый немножко, так что ж с того. Майка знает, какой у нее бывает голос. Привыкла уже. И не обижается. Как и положено подруге.

Вот интересно — как так получилось, что до сих пор все вокруг считают их подругами? А самое забавное, что и они себя подругами считают. Но зачем, почему? Вроде как ни Майке, ни Дине эта дружба особого удовольствия не доставляет. Или это женский душевный мазохизм такой? Для Дины уж точно мазохизм — порочная заба-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ва, яркий стервозный мазок в тоскливых буднях, чтоб совсем от скуки не сдохнуть. Но Майке-то это зачем?

— А может, вместе по магазинам прогуляемся, а, Дин? — предложила Майка. — Сама и выберешь чего-нибудь...

— Не знаю. Посмотрим. Да и вообще — до дня рождения еще далеко...

— Ну, ты пока подумай, чего бы тебе хотелось, ладно?

— Подумаю, подумаю... — недовольно буркнула в трубку Дина. — Все, пока. У меня на кухне картошка горит. До связи...

Брякнув трубку на старый, давно отслуживший свой век аппарат городского телефона, она тут же спохватилась. Снова ее сняла и положила обратно совсем другим жестом — аккуратно и как будто извиняясь. Потому что одряхлевшее средство связи могло разобидеться и замолчать навеки. И без того оно с трудом переносило на своем хрупком пластмассовом тельце оскорбительную синюю перевязочку из изоленды. Могло запросто взять и капризничать, уйти в глухую молчанку. Пятнадцать лет назад крутым еще было, последним, можно сказать, писком телефонной моды, а теперь чего — теперь капризничает, то и дело умирает и знать не желает, что у хозяев новый телефонный аппарат не входит в список первоочередных покупок...

Муж в обмен на счастье

Да уж, пятнадцать лет назад все в этом доме было по высшему разряду. Очень уютный был дом — однокомнатное гнездышко для молодоженов. И «стенка» вам тут итальянская, и ковер на полу иранский, и сантехника финская, и люстра супер-пупер с висюльками... О-го-го как тут было! Это потом время пошло-поехало, как включенная на быструю перемотку кассета, и безжалостно переварило в себе прежние представления о квартирном уюте и благополучии, и выплюнуло весь этот «шик» на помойку, заменив его нахлынувшей поначалу волной одинаковых евроремонтов, а потом уже и другими всякими модернами да стилями. Как теперь за этими стилями угнаться-то? Никак и не угнаться. Хотя, если бы папа свое хлебное чиновничье место не потерял... Если бы Дина замуж так по-дурацки не выскочила...

Будь оно проклято, это сослагательное наклонение! Если бы да кабы! Чего теперь на прошлое оглядываться? Все равно ничего изменить нельзя. Вот он, твой дом. Вот он, твой быт. Хрупкий аппарат «Панасоник» с синей ленточкой да протертый иранский ковер под ногами. А на кухне — старый холодильник. А в холодильнике — убогие коровьи косточки под названием «суповой набор» вместо хорошего куса говядины. И сыр плавленый. И колбаса с белковым наполнителем. И кофе растворимый самого дешевого сорта... Да

ВЕРА КОЛОЧКОВА

еще эта Майка пристала: чего подарить, чего подарить! Ничего ей не надо дарить! Ни один подарок эту жизнь принципиально уже не изменит, даже самый дорогой, изысканный...

Из кухни и в самом деле потянуло горелым. А может, Дине просто показалось? Может, до такой степени дух жарящейся на дешевом масле картошки осточертел, что горелым кажется. Бедняцкий деликатес — жареная картошка. И вид у Дины в большом зеркале в прихожей тоже бедняцкий. Не в смысле одежды, а в смысле рыхлого тела, закормленного сытной углеводистой едой. Потому что у богатых теток таких противных брюшек не бывает. У них, у богатых, даже после пятой беременности во всех местах подтянуто. А она как родила год назад второго ребенка, так и живет с этим рваным пузом, нагло выпирающим из любой более-менее модной одежды. Можно было, конечно, Ксеньку и не рожать, можно было себя поберечь... Но опять же вопрос: для кого себя беречь-то? Для Димки, что ли? Нет уж, обойдется! Пусть теперь кормит все семейство как хочет...

А картошка действительно чуть пригорела. Не получилось из нее на сей раз деликатеса-фри. Попортили всю жареную красоту черные обуглившиеся вкрапления. Придется зеленой маскировать, придавать товарно-съедобный вид... Уж в чем в чем, а в «придании вида» она

Муж в обмен на счастье

за эти годы ой как насобачилась. Только и делала, что «вид придавала», все бедность да убогость старалась хоть чем-то прикрыть. То занавески модные оборчато-пышные на окна повесит, то картинки на стены приткнет, то столешницу потертую в клеенку укатает... Хотя чем ее, если честно, прикроешь, эту бедность? Вон она, изо всех углов лезет! Плита допотопная, холодильник старый, пол выложен зелено-белой плиточкой... Ни у кого уже такой плиточки на кухне нету! А этот гарнитур кухонный! Мечта хозяек времен развитого социализма! Четыре навесных белых шкафа, два стола да узкий пенал, притулившийся сбоку. Еще и громоздкая кофеварка стоит, красуется памятником. Чего она тут стоит вообще? Можно подумать, у них в доме хороший кофе водится... Надо вообще ее с глаз долой убрать, чтоб не раздражала...

Господи, как же папа тогда, пятнадцать лет назад, гордился, что такую жизнь красивую дочери обустроил! Ему по тем временам это раз плюнуть было — и квартиру «сделать», и всю эту «красоту» по блату, то есть по старым и очень приемлемым ценам добыть. Кто ж знал тогда, что слово «блат» доживает последние свои денечки, что исчезнет вскорости из лексикона как понятие, что все это можно будет пойти и купить спокойно, были бы деньги... Не знал папа, не прочувствовал нужного момента. Дру-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

гие прочувствовали, а он — нет. Вот и остался за бортом благополучия. Живут сейчас с мамой на жалкую «муниципальную» пенсию. Хорошо, хоть дачу построить успел. А то бы и без картошки сидели...

Да, тогда все красиво было, конечно. Свадьба, кольца, машина, на тарелочке с голубой каемочкой — ключи от квартиры. А главное — Димка рядом. Жених. Красавец. Правда, мама сразу против Димки настроена была, говорила — с мужицкой красотой далеко не уедешь. Одни, мол, от этой красоты неприятности семейные случаются. И себя в пример приводила — уж она-то вроде сумела разобраться по молодости, за кого следует замуж выходить... Но разве до маминых настроений ей тогда было? Дина ж победительницей себя чувствовала, держала в руке Димкину руку, как дурная бегунья-спринтерша финишную ленточку. Радовалась, что Майку на повороте обошла. Вот же дура была, блин... Нашла с кем соревноваться — с Майкой Дубровкиной! Чего там с ней соревноваться-то было? Замухрышка дылдообразная...

Ну да. Майка любила Димку чуть ли не с первого класса. Если действительно дети в таком возрасте любить умеют, то да, Майка точно любила. Замирала, млела, чуть в обморок не падала. Ее даже и в классе не дразнили — все попривыкли как-то к тому обстоятельству, что Майка

Муж в обмен на счастье

Дубровкина любит Димку Ненашева. И Димка тоже привык. Позволял себя любить, как барин какой. И домашние задания аккуратно у Дубровкиной списывал, и контрольные ей подсовывал, и школьные завтраки съедал... А к восьмому классу вроде как и задружил даже с Майкой. Вроде как все по плану. Если любит — так отчего же нет?

Этой дружбы Дина стерпеть уже не смогла. Она должна была, обязана была обойти Майку на повороте! Еще чего не хватало — чтоб эта замухрышка себе такого парня оторвала. Ну да, Майка и тогда уже ей подругой была. Это конечно. Ну и что? Да на нем, на здоровом соперничестве, между прочим, вся женская дружба и держится! Все, все соперничают! Сами себе сказки про душевное взаимопонимание рассказывают, а в подоплёке — одно только соперничество. Просто никто в этом никогда не признается. Даже самому себе. Смелости не хватает. Хотя чего тут особенного — жизнь есть жизнь... Вот и у них с Майкой такая жизнь была: снаружи дружба нежная, а внутри — одно сплошное соперничество.

Хотя, если честно, соперничать с Майкой немного стыдно было. Слишком уж в разных они весовых категориях числились. Вернее — в социальных. Она, Дина, единственная дочка обеспеченных родителей, дом — полная чаша,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ни в чем отказу нет, и Майка — старшая дочь в многодетной семье. С пятнадцати лет безотцовщина. Отец в аварии на заводе погиб. Мать, чтобы прокормить всю ораву, ломалась на трех работах, и Майка вечно куда-то за нее ходила полы мыть... Скрывала, правда. И от Димки скрывала, и от нее тоже. Вроде как пожалеть ее надо было по-человечески, а вот поди ж ты — не было у нее к Майке никакой жалости! Наоборот! Чем Майке хуже жилось, тем больше хотелось ей продемонстрировать, насколько она, подруга Дина, лучше ее во всех отношениях — и по уму, и по красоте тоже. Очень хотелось, чтоб горел в Майкиных кари́х, глубоко посаженных глазах огонек искреннего ею, подругой Диной, плебейского восхищения. У других же горел! А Майка что, лучше других? Нет, она восхищалась Диной, конечно же. И платьями красивыми на школьных вечерах восхищалась, и прической только-только из парикмахерской, и первым в классе по тогдашней моде пейджером, но... как-то неубедительно, что ли, восхищалась... Искренне, конечно, но без плебейства. Никак не хотела понять Майка своего места в Дининой жизни. Что ж, пришлось учить ее, наказывать самым дорогим для нее, самым святым. Димкой то есть.

За Димку Дина взялась тогда решительно, по всем фронтам наступала, как делают настоящие победители. Не хочешь — заставим, из-

Муж в обмен на счастье

бегаешь — догоним, не веришь — поплачем! Делов-то — Димку Ненашева обыграть... Это сейчас она понимает, что весь ее пыл девичий, можно сказать, в дым ушел, а тогда... Тогда такой азарт был! Димка-то с выбором дамы сердца не торопился. Более того — после одиннадцатого класса сразу в армию загремел. Отец его, подполковник, царствие ему небесное, на этой армии настоял. Все родители в институты своих детей погнали, а этот — в армию... А они с Майкой, стало быть, ждать его остались, как две верные подруги. Ждать вместе — тоже соперничество, между прочим! Майка-то надеялась, что он из армии к ней вернется... Такие письма ему туда писала! Не любовные, конечно, но душевные — прямо слеза прошибала. А она, Дина, и тут Майку на повороте обошла! Взяла и съездила к нему в армию, назвавшись невестой. Димка, конечно, ее поступок оценил...

Нет, нельзя сказать, что Димку она к себе приспособила для того только, чтоб Майке насолить. Он ей очень нравился, конечно. А кому он тогда не нравился, красавец Димка Ненашев? Он всем нравился. Патлатый блондин, высокий, улыбчивый, на гитаре играл, песни пел, как бог... Милый такой мальчик Харатьян местного разлива. А что там, за этим Харатьяном с гитарой да с песнями, прячется — дело было уже десятое. Как впоследствии оказалось, ничего там

ВЕРА КОЛОЧКОВА

и не прячется. Пустота одна. Ноль без палочки. Куда его только потом отец ни пристраивал — нигде не пригодился. Ни богу свечка, ни черту кочерга. И даже образование высшее заочное, на закрытых профессорских глазах да ушах по блату полученное, тоже не помогло. Ничего из Димки не получилось. Так. Ерунда. Менеджер на макаронной фабрике. Нет, правда на макаронной! Как в насмешку! Надоест, мол, картошка, так и на макароны, дорогая жена, перейдешь... Тоже бедняцкая еда, между прочим. И что самое обидное — даже сказать ему ничего такого нельзя! Сердится не на шутку, прямо с полуоборота заводится! И все время у него песня одна: не хочу, мол, на «дядю» работать. Вроде как было бы у него свое дело, вот уж тогда бы он... Чего тут скажешь? Ничего и не скажешь. Классическая отмазка для неудачника — этот мифический «дядя», выжимающий из Димки все соки, вот и все...

Майка на их свадьбе сидела как отмороженная. Раньше, стоило Димке ей на глаза показаться, растекалась вся карамелью, а тут застыла каменным изваянием, ни одной эмоции не выдала. Заморозилась вся карамель. Ни смеха, ни слез. А потом, когда гости танцевать начали, вообще под шумок смылась. По-английски. Увидели они ее с Димкой через год только — сразу после их свадьбы Майка в Питер укатила. Замуж

Муж в обмен на счастье

там выскочила за Лёньку Гофмана, старого своего школьного воздыхателя. Он там, в Питере, в университете учился, комнатку в подвальчике на Невском снимал. Ну, и писал ей из этого подвальчика письма всякие трогательные. Дина одно из этих писем даже сама прочитала — было дело. Смешно так читать его было! На пяти страницах — и все про любовь. А в начале и в конце — про замуж. Странно даже, как Майка на эту авантюру согласилась. Видно, совсем безнадега сердечная прижала. Никто от нее такой решительности не ожидал... Встала утром, покидала шмотки в чемоданчик и укатила. И мать бросила, и всех своих братьев-сестер малолетних. От крайнего отчаяния, стало быть.

А потом с этим Лёнькой Гофманом — вообще... Такая история вышла! Как в кино. Даже круче, чем в кино. Хотя туда, в кино, скромного забитого Лёньку и не взяли бы ни при каких раскладах... Вот Димку бы взяли, это точно. А этого... Ну вот кто он был? Скромный очкарик-ботаник? Сидел себе на последней парте, тарасился на Майку да воздыхал втихомолку. Правда, параллельно с воздыханиями успел-таки золотую медаль отхватить да в Питерский университет поступить на бюджетное отделение, но дело-то как раз и не в этой медали оказалось. А оказалось оно в том, что выискался у Лёньки в Германии богатый дядюшка. Кто ж мог